

**КЮНЕРОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ
(1998–2000)**

Краткое содержание докладов

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

**КЮНЕРОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ
(1998–2000)**

Краткое содержание докладов

Санкт-Петербург

2001

ББК 63.5
К 99

Сборник содержит изложение докладов, прочитанных в 1998 и 1999 годах на ежегодных Кюнеровских чтениях, посвященных памяти видного отечественного востоковеда, этнографа и историка Н. В. Кюнера (1877–1955), проводимых в музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Основная тематика докладов – этнография, история, особенности материальной и духовной культуры народов Дальнего Востока, Восточной Азии и соседних регионов. Эти дисциплины входили в круг научных интересов Н. В. Кюнера.

Расчитан на этнографов, историков культуры, востоковедов и всех, кто интересуется особенностями традиционной жизни народов земного шара.

Ответственный редактор
к. и. н. А. М. Решетов

Рецензенты:
Н. Г. Краснодембская, В. Н. Мазурина

К 0505000000 – Без объявления
ISBN 5-88431-057-9

© МАЭ РАН, 2001
© А.Ю. Харитоновна,
оформление, 2001

А. М. Решетов

О КЮНЕРОВСКИХ ЧТЕНИЯХ

Первые Кюнеровские чтения, организованные Отделом Зарубежной Азии Ленинградской части Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, прошли в сентябре 1977 г. по случаю 100-летия со дня рождения выдающегося востоковеда профессора Николая Васильевича Кюнера.

Воспитанник факультета восточных языков С.-Петербургского университета, он стоял у истоков создания Восточного института в г. Владивостоке, где затем в течение четверти века был одним из ведущих его преподавателей. Он продуктивно работал, слыл строгим на экзаменах и вместе с тем пользовался большим уважением среди студентов. Так, в 1905 г., во время обострения отношений между администрацией и студенчеством, студенческая корпорация Института приняла резолюцию, в которой между прочим высказывалось сочувственное отношение к профессорам П. П. Шмидту и Н. В. Кюннеру. Они характеризовались как лица «с хорошими задатками профессоров и ученых». ¹ В середине 20-х годов Н. В. Кюннер предпринял ряд попыток уехать из Владивостока, где к тому времени состоял профессором Дальневосточного университета. Он, в частности, получил отказ из Праги, однако его пригласили для чтения лекций в Ленинградский государственный университет, а с 1932 г. он стал еще и сотрудником Музея антропологии и этнографии, с 1933 г. – Института антропологии и этнографии АН СССР, и в течение двадцати лет руководил Отделом Восточной и Южной Азии. Влияние Н. В. Кюннера на развитие отечественного востоковедения было весьма заметным, хотя его имя по разным причинам совсем не упоминалось.

На первых Чтениях присутствовали члены семьи Н. В. Кюннера, в том числе сын Кирилл Николаевич и дочь Марина Николаевна. Участников заседания специальными посланиями приветствовали акад. А. П. Окладников и проф. Г. В. Ефимов. Уже тогда Чтения собрали довольно представительную аудиторию,

якоря. Команда героически боролась со стихией. Судно получило критические разрушения: сломало киль, оборвало часть обшивки, унесло руль. Экипаж (484 человека) вынужден был высадиться на берег.³ Попытка буксировки фрегата из бухты Симода закончилась неудачей, судно опрокинулось и затонуло.⁴ Несмотря на гибель фрегата «Диана», адмирал Путятин настойчиво продолжал свою миссию. Итогом этих продолжительных переговоров стал Симодский договор от 26 января 1855 г. «Об установлении границ, дипломатических и торговых отношений между Россией и Японией». Отныне для захода русских судов были открыты порты Японии – Нагасаки, Хакодатэ и Симода, а с 1856 г. разрешалось открыть русское консульство в одном из названных портов. Подписав договор, вице-адмирал Е. В. Путятин принял меры к возвращению экипажа фрегата «Диана» на родину.

Случайно обнаруженный в личных вещах капитан-лейтенанта К. П. Посьета журнал «Морской сборник» № 1 за 1849 г. содержал статью с описанием и чертежом шхуны «Опыт» командира Кронштадтского порта. По указанию вице-адмирала Путятин, на основе этой статьи прапорщик Карадашев и мичман А. А. Колокольцов изготовили свои чертежи для постройки шхуны, а офицеры Мусин-Пушкин и Елкин с матросами приступили к строительству судна. Самоизоляция Японии нагубно отразилась на развитии ее судостроения. Вот почему японские мастера, внимательно наблюдавшие за ходом строительства шхуны «Хэда», в соседней бухте создавали ее копию, в той же последовательности и технологии. За два с половиной месяца шхуна «Хэда» была построена и вскоре ушла с экипажем в Россию.

За блестяще проведенные переговоры и заключение договора с Японией император Александр II удостоил вице-адмирала Е. В. Путятин графским титулом и наградил орденом «Белого орла».

По предложению графа Е. В. Путятин, император Александр II распорядился передать в дар Японии шхуну «Хэда» и пятьдесят два орудия, снятых с погибшего фрегата «Диана». За содержание российского экипажа на берегу губернатору порта Хакодатэ было вручено денежное вознаграждение в сумме 31 тыс. руб. серебром.

С тех пор прошло почти полтора столетия. В память о тех исторических событиях жители японской деревушки Хэда со-

здали у себя Дом-музей адмирала Путятин. А в Петербурге в Центральном военно-морском музее до настоящего времени хранится бумажный свиток с зарисовками японского художника той эпохи, акварели лейтенанта А. Ф. Можайского, памятный колчан и походный шкафчик работы японских мастеров, подаренные ранее адмиралу Е. В. Путятину.⁵

¹ Хисамутдинов А. Terra incognita, или Хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку. Владивосток, 1989. С. 5.

² Задорнов И. Черные корабли с Севера // Современник. М., 1993. С. 85.

³ Кротков А. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1894. С. 516.

⁴ Огородников С. Ф. Морской музей имени Петра Великого: Исторический очерк 1709–1909 гг. СПб., 1909. С. 61.

⁵ Хисамутдинов А. Terra incognita... С. 33.

А. В. Филиппов

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ТРАДИЦИЯ – ОПОРА САМОБЫТНОСТИ КУЛЬТУРЫ ЯПОНИИ: ГРУППА И ЕЕ ГЛАВА, ГРУППОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ И УСТОЙЧИВОСТЬ ПАТЕРНАЛИЗМА

С самых истоков становления японского социума – появление «навыка заимствования»: гибкое применение необходимого (порой в неожиданной интерпретации) и способность «сохранить лицо» (не утратить индивидуальности). Начало было положено еще в самом начале формирования японского этноса на основе различных этнических типов (мифологические сюжеты и археологические находки, выявляющие связи с иными этносами). Зарождение японской культуры шло в условиях взаимодействия различных культур, и эта «взаимопереплетенность» была изначальной особенностью. Дальнейшие значительные и общеизвестные примеры заимствований, рецепции, обращения к опыту других стран и народов:

– восприятие иероглифов, буддизма, конфуцианства как первые зафиксированные примеры обращения к опыту «соседей» в V–VII вв.;

– использование опыта Китая при первых же попытках

государственного строительства в VII–VIII вв. (стремление воспринять китайскую культуру во всей ее многогранности, но с самостоятельной трактовкой практически любого аспекта, если не сразу, то несколько позже) (небесный мандат, лишь знатный становится чиновником в Японии);

– «христианское столетие» в истории Японии – 1542–1639 (1641?) – и активнейшее усвоение опыта Европы (в частности, в естественных науках);

– существование *европоведения-голландоведения* даже в условиях национальной самоизоляции;

– широчайшее проникновение западной культуры во времена *Мэйдзи* и ее усвоение – и вместе с тем переход к агрессии (в том числе и против стран «Запада»);

– принятие навязанных изменений в политической, экономической, социальной сферах жизни общества в условиях американской оккупации после Второй мировой войны, но скорее усвоение «западного» «на свой лад» (американизация почти исключительно внешняя, не нарушающая основополагающего фундамента социума).

Особенности процессов заимствования идей и их дальнейшего восприятия блестяще выразил правовед Нода Ёсики: «Идеи для японцев -- не более чем орудия, которые могут быть применены для различных целей. Если пилой работы не сделать -- ты можешь применить топор... если конфуцианство не дает желаемого результата, можно прибегнуть к буддизму», «либо -- к снито» (как продолжил эту мысль Р. Дж. Смит). Р. Дж. Смит подчеркнул и то, что японцам вообще более свойственно при культурных заимствованиях цельное восприятие, включение (инкорпорирование) культурных комплексов, нежели их растворение, рассеивание (ассимиляция). По-видимому, следствием не только религиозной, но и (в более широком плане) идеологической терпимости является, по словам другого ученого, Т. К. Смита, и то, что «модернизация представляется большинству японцев, которые думают обо всем этом, не как процесс, в котором присутствует конфронтация традиционного и современного не на жизнь, а на смерть, но как динамическое слияние этих двух (составляющих)».

Переходя к теме патернализма, следует сразу сделать оговорку терминологического свойства. Предполагается применение

понятия «патернализм» не в прямой связи с корнем *paternus* («отцовский») и ориентированностью на «патриархальные» черты социума, а в связи со склонностью к преданному служению вышестоящему (господину, хозяину, начальнику).

Уместно привести несколько общепринятых определений патернализма. Это покровительственное отношение фирмы к своим служащим, государства – к своим гражданам, одной страны – к другой, наконец – надежда на подобное покровительство. В трудовых отношениях это может быть системой дополнительных льгот и выплат на предприятиях за счет предпринимателей с целью закрепления кадров, повышения производительности, смягчения напряжения – благотворительность и забота предпринимателей о своих работниках (своеобразная идеология и социальная практика в области трудовых отношений). В международных контактах – опека сильных над слабыми (политика индустриально развитых стран по оказанию помощи странам развивающимся, фактически закрепляющая экономическую и политическую зависимость последних). Это тип руководства, когда руководители обеспечивают удовлетворение потребностей подчиненных за их лояльность и послушание. В целом – это покровительство, «отеческая власть» индивида или группы над другим индивидом или группой (более слабыми). Представляется, что весьма многое в этих общих определениях может характеризовать Японию.

Феномен «привычки заимствовать», видимо, обусловил гибкость в интерпретации и «рельефность» в выявлении самобытности: это и привычка заимствования, и «ориентировка на подчиненность» родному (как собственным традициям-взглядам, так и господину-боссу). Можно говорить о сохранении существовавшей и ставшей частью традиции «верхушки власти» (традиционных ценностей и механизмов управления).

Абсолютность «верха» как проявление нежелания рушить традицию:

– солнечная богиня *Аматэрасу* – родоначальница императорской династии, на право самой власти этой династии никто не посягал (по крайней мере, существует до наших дней);

– происхождение и знатнейших родов Японии также от богов (спутники *Ниниги-но микото*, спустившиеся с ним по приказу *Аматэрасу* с небес для управления «Страной тростниковых равнин»: напр., Фудзивара;

– значение генеалогии:

- лишь благородный годен в чиновники;
- все три династии сёгунов от одного предка-императора (даже Тоётоми Хидэси в сёгуны не подошел);

– при обрыве линии Минамото – в сёгуны назначали благородных Фудзивара, а не реально правивших Ходзё;

– религиозно-культурный лидер, или «идейный вождь», – важная фигура с древности (правительница Химико III в. и исполнение административных функций ее братом, почтение к императору и продолжение династии даже при изъятии функции реального управления (Фудзивара, три династии сёгунов, регенты Ходзё);

– восставший ради возвращения власти император (Готоба в 1219–1221 г. и Годайго в 1334 г.) может быть наказан и даже сослан, но по династии *тэнно* это не ударит – на трон взойдет другой из той же династии (хотя бы даже так и не получив реальной власти);

– значение социального статуса на любом уровне (значение придворной аристократии *кугэ* даже при отсутствии власти реальной – всегда несомненно выше военной аристократии *букэ*, эту реальную власть имеющей);

– многовековое существование однажды установленных институтов:

- «тысячелетняя столица» Киото;
- 1000-летие законов *рицурё*, принятых вместе с введением надельной системы;

– несоответствие периода реального значения социального поста общему периоду его существования в истории.

Стремление ориентироваться на вышестоящего (пусть порой лишь формально) характерно для разнообразных ситуаций. Это и готовность следовать мнению «верхов» (решениям верхов), даже имея возможность выбора нового политического курса (при реформах) – «закон сверху» включает и «ориентировку на подчиненность»:

– установление власти сёгунов – но при императоре;

– при всей независимости «права княжеств» в эпоху сражающихся провинций их ориентация на нормы, институты, ценности (по крайней мере стремление их копировать), пропагандируемые

центром; ориентация на «закон сверху» (законы центральной власти) и копирование центрального аппарата в княжествах;

– «закон сверху» при режиме *Эдо*;

– *кирисутэ* (право воина убить простолюдина без объяснения причин) и уклончивость японцев в выражении своих взглядов (стремление избежать ответа «нет»);

– «три больших реформы времен *Эдо*» как явный пример проведения всех преобразований сверху, самой властью;

– *Мэйдзи* – восстановление власти императора-*тэнно*, а не создание республики etc.;

– «экономический протекционизм» государства, начиная с *Мэйдзи* (в том числе «образцовые предприятия», выкуп и вновь продажа в частный сектор целых отраслей, «замораживание» отдельных направлений производства, определение приоритетов развития отраслей и т. п.);

– даже при требовании учреждения Парламента движением за свободу и народные права – после обещания правительства Парламент открыть – закат движения;

– формальность «конституционности» Японии после принятия первой Конституции (император выше всех);

– формальность в следовании Конституции второй (1947 г.), принятой в спешке и под давлением оккупантов (соблюдение норм, данных свыше);

– Вторая мировая война (американская оккупация) – сохранение императора и взаимодействие при проведении реформ с традиционными структурами власти;

– «полупартийная» политическая система Японии после 1955 г. – стремление следовать «данности», указу свыше;

– даже «приоткрывание дверей» внутреннего японского рынка – также по «указанию сверху» (отдельные предприниматели даже просто не в состоянии что-либо совершить, будут скованы рамками системы).

Групповое поведение – несомненно связано с патернализмом, именно в рамках той или иной группы патернализм и проявляется (в речи, поведении, материальных моментах и т. п.):

– проявление черт группового поведения рассматривается как свойственное этносам, имеющим отношение к рисосеянию – по причине длительной совместной деятельности, необходимой для возделывания культуры риса;

– император в 1945 г., сообщая о капитуляции, подчеркнул, что «весь народ... продолжает жить как одна и та же семья». Слияние семьи и государства находило отражение во всех сферах. Так, в школьных учебниках по этике и морали 1910–1945 гг., в соответствии с «Императорским рескриптом об образовании» («*Кёнку тёкуго*») от 1890 г., преданность императору и сыновья почтительность отождествлялись и рассматривались как одно и то же, «семья и государство были надежно заключены в неделимом единении чувства и церемонии»;

- «соответствие статусу» (одежда, жилье);
- смена статуса, например превращение студента в служащего, влечет и смену стиля поведения, одежды, образа мыслей;
- социализация детей (уровень «общественной обработки» молодого поколения уникален);
- смещение черт группового поведения с семьи на коллектив либо «малый социум», далее – на масштабы всей страны;
- борьба за «приоткрывание» японского рынка – еще один пример группового поведения (страна как изолированная группа для желающих войти в нее извне).

Таким образом, применение данных традиций в реформировании и «модернизации» общества чрезвычайно важно. «Модернизация» нередко дает примеры конкретного применения ультрасовременного, но для себя (Япония, фирмы и т. п.) при опоре на традиционные механизмы и структуры.

А. В. Филиппов

РЕФОРМА И ТРАДИЦИЯ В ЯПОНИИ: ПРОТИВОРЕЧИЕ-АНТАГОНИЗМ ИЛИ ВЗАИМОСВЯЗАННОЕ ЕДИНЕНИЕ В РАМКАХ СОЦИУМА?

Вопрос о том, какое значение для японцев имеет отношение к реформам, преобразованиям, с одной стороны, и к традиции, ее значимости, верности ей – с другой, представляется весьма важным. Если как то, так и другое кажется достаточно характерным для Японии, возникает еще один немаловажный вопрос – а правомерно ли в комплексе рассматривать два этих понятия совер-

шенно противоположными друг другу при характеристике основных тенденций развития общества? Как тогда описывать эволюцию общества, оперируя одновременно такими терминами, как прогресс и регресс, прогрессивное и консервативное, современное и отсталое, модернистское и классическое, бурно развивающееся и застойное? Ведь описывая Японию, нередко говорят о способности этого народа к активному реформированию и восприятию, включая и рецепцию, однако ничуть не реже говорят и о необычайной устойчивости традиционных основ (а отсюда и постоянные упоминания о самобытности японцев).

Несколько утрируя, имея в виду мир наших дней, можно поставить вопрос и так: или Япония столь самобытна, что все реформы всегда вязли и вязнут, как в болоте, не задевая коренной сущности ее традиционной системы? Или (иной вариант постановки вопроса) если раньше Япония была в силу объективных причин обособлена, оторвана, то сейчас, будучи интегрирована в мировое сообщество, не начнет ли она развиваться по общим законам (при этом быстро утрачивая свою самобытность)? Ведь единению Японии со всем миром, а не только с регионом Дальнего Востока, лишь полтора столетия.

В Японии сегодня достаточно сильна и «универсализация» жизни, и «традиционализм» различных ее аспектов при всем его определенном угасании и распаде. Будет ли Япония через несколько десятилетий как все или сохранит самобытность?

Итак, попробуем взглянуть на вопрос исторически, имея, впрочем, в виду, что, строго говоря, реформа не всегда противоречит системе старой, скажем традиционной. Так, по определению, реформа социальная – это преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни, не уничтожающее основ существующей социальной структуры.

Некоторые понятия, думается, надо рассматривать в более широком диапазоне, захватывая и в определенном смысле близкие им. С одной стороны, реформа, инновация, рецепция – нечто доходящее, возможно, и до попыток воспроизведения *иной* культуры. С другой стороны, *традиция* – это консервативное сохранение форм, стабильность, может быть, даже и невосприимчивость к новому. Соответственно, вполне может представляться противоречием – приверженность реформам и традициям, реформа и проформа, изменения в «неизменном» социуме, реформы и

«социальный консерватизм». Это разговор о месте преобразования-реформы и стагнации-традиционности в японском социуме, о проблеме соответствия социума понятиям традиционности или современности. Рассмотрение этой тематики в разных ракурсах явно начинает привлекать все более пристальное внимание.

Далее приведем в общем списке примеры, с одной стороны, наиболее эффективных преобразований, фактов рецепции в истории Японии (это вопрос вообще о роли реформ в жизни Японии), а с другой стороны, нередко связанные с этим значительные достижения (в том числе и имеющие прямое отношение ко все большему интегрированию страны в жизнь общемирового сообщества), в общем, отнюдь не приводившие к тому, что можно было расценивать как удар по японской самобытности:

1) складывание самой японской народности на базе самых различных этносов в постоянном взаимодействии инноваций;

2) реформы Тайка и китайское влияние;

3) поступательное и постепенное, неспешное восприятие и взаимодействие с китайской культурой во времена всех трех бакуфу (буддизм, чайная церемония, искусство создания садов и т. п.);

4) «сунское учение» (неоконфуцианство) как идеология при Эдо-бакуфу и «начало» распространения *голландоведения-рангаку*;

5) размах восприятия европейской культуры при Мэйдзи;

6) Мэйдзи-Тайсё-Сёва как подъем в агрессивности внешней политики и в военном деле;

7) реформирование экономической, политической, социальной сферы под давлением американцев при оккупации, но в определенной мере – под контролем правящих кругов Японии;

8) 60–70-е годы – экономическое усиление Японии;

9) 70–90-е годы – стремление к усилению политической роли Японии в мире;

10) спад и «плохая конъюнктура» 90-х как стимул в поиске новых путей развития системы.

Т. е., можно говорить о трех значительных этапах, связанных с развернутым восприятием извне, развернутыми реформами, порой явными попытками рецепции в определенной области (безусловно, порой реформы были вызваны и иными мотивами, помимо обращения к рецепированию). Эти три этапа:

– заимствования из культуры Китая в VI–VIII вв.;

– знакомство с европейской культурой через *голландоведение* в эпоху Эдо;

– активное взаимодействие с общемировой (в основном, «западной») культурой и применение усвоенного во времена бурного развития страны начиная с эпохи Мэйдзи.

Имели место и важные реформы другого рода (не имевшие налета рецепирования) – с целью адаптации изменившегося общества по отношению к существующей системе. То есть фактически это были реформы, направленные на сохранение традиции. Пример – «три реформы» эпохи Эдо, своеобразное средоточие сути невероятно стабильного, традиционно-японского общества. При этом нельзя забывать, что это была еще и та самая эпоха, когда были окончательно сформированы, выкристаллизовались черты Японии нынешней, того самого общества, которое мы имели в виду, произнося слова «японское сегодня».

Итак, сколь же многое в традиционном смысле роднит японский этнос VII, XVII и XX вв.? Пожалуй, многое. Но стоит ли отрицать при этом влияние реформ, говорить столь часто об их безуспешности? Видимо, нет. Ибо каждый раз, несмотря ни на что, реформы усиливали стержень, ствол. И представляется уместным сделать вывод, что *реформа и традиция для Японии* – скорее некое *взаимосвязанное единение в рамках социума*, и вряд ли наоборот. На протяжении истории *реформы и преобразования* оказывались для Японии своего рода традиционной *альтернативой революции*, более привычной порой для стран иных.

Последствия же определенного «идейного распада» японского общества, о котором нередко говорят ныне и который, затрагивая самые различные сферы, на самом деле идет уже достаточно давно, предопределить весьма трудно.

При всеми признанном распаде японской «большой семьи» уже после Второй мировой войны Япония остается «семейственным обществом» *из* во многих иных отношениях. При очевидном крепчании увлечения «феминизмом», коверкающим опять-таки устои общества, – утверждать, что в этом отношении в Японии не останется скоро «национального» представления о месте женщины в семье и обществе, вряд ли серьезно. Проблема молодого поколения, выросшего под почти исключительным влиянием mass-media и в значительной мере лишенного заботы родителей, чересчур обремененных работой (это и хулиганство

рокеров, и убийства, совершенные подростками, что на шумели на всю страну и т. п.), – серьезный повод для размышления, но предлагать однозначные прогнозы нельзя. Тем более, что каждый, знающий Японию, скорее всего, вряд ли согласится, что эта страна в обозримом будущем превратится лишь в одну из одноликих стран современного мира.

Итак, вопрос о скорой интеграции Японии в мировое сообщество, по-видимому, остается открытым, и говорить о безусловной интеграции слишком рано.

И. К. Федорова

ПОЛОЖЕНИЕ ИММИГРАНТОВ НА ТАИТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Французская Полинезия включает о-ва Общества (с самым большим из них – Таити), о-ва Маркизские, Туамоту, Гамбье (с о. Мангарева) и Тубуан, отличающиеся благодатным тропическим или субтропическим климатом и плодородной почвой, что способствует разведению различных сельскохозяйственных культур, как местных, так и завезенных из Европы, Азии, Америки. Постепенная колонизация этих островов Францией началась в 1840-е годы. В середине XIX в. колониальный режим во Французской Полинезии все более укреплялся, а система эксплуатации местного населения совершенствовалась. Угрожая штрафами, колониальная администрация провела к этому времени всеобщую регистрацию земель на островах, а заодно и их владельцев. Незарегистрированные земли перешли в колониальную собственность.¹ Субсидиями и премиями колониальные власти стали поощрять белых поселенцев к расширению плантаций хлопка, кокосов, кофе, сахарного тростника. К 1863 г. под эти культуры на Таити было уже занято около 30 тысяч гектаров плодородной земли. Новые хозяйства и предприятия по переработке сельхозпродукции требовали все больше рабочих рук.

Именно поэтому колониальная администрация Таити своим решением от 22 июня 1862 г. открыла французские колонии для океанийцев-иммигрантов, которых плантаторы должны были привозить за свой счет, и определила основные условия найма

их на работу. Контракт заключался на 2 года, при 26 днях работы в месяц и 10-часовом рабочем дне с 2-часовым обедом (с 12 до 14 час.). Зарплата составляла 20 франков в месяц, ежедневное довольствие включало 250 г рыбы или мяса (говяжьего, свиного), а также 2 кг овощей или фруктов (бататы, таро и др.). Наемный рабочий имел право на бесплатную медицинскую помощь, телесные наказания запрещались. По окончании срока контракта предприниматель должен был репатриировать рабочего на собственные средства. Уже в 1862 г. появились первые мигранты с о. Тонгарева, а затем с о-вов Кука (1864). В последней трети XIX в. на Таити доставлены были еще несколько групп рабочих с о-вов Кука, Гилберта, Новых Гебрид. 10 января и 11 августа 1863 г. из Франции пришли две депешы, одобрявшие меры таитянской администрации по набору рабочих и предлагавшие привлекать на Таити иммигрантов из Меланезии, Микронезии и островов Полинезии.

Специальная депеша из Франции от 15 января 1864 г., направленная 1-му Бюро колонии, разрешила фирме «Соарес и К^о» на тех же основаниях рекрутировать наемных рабочих из Китая. В 1864 г. на Таити была привезена первая, а в 1865 г. вторая партия китайцев – всего около 1000 человек. Контракт с ними заключался на тех же условиях, но уже на 7 лет. Кроме того, семейным китайцам предоставлялась хижина с огородом и садом. Один из таитянских чиновников защищал интересы китайцев в их спорах с плантаторами или в суде. 30 марта 1864 г. на Таити был издан, наконец, акт, регламентирующий режим работы на плантациях, правила перевозки и репатриации наемных рабочих и защиту их интересов.

Именно в это время предприниматель Н. У. Стюарт, представивший фирму «Соареса и К^о», создав на Таити в дистрикте Папара, Атимаоно и Матапеа большое сельскохозяйственное предприятие, сразу ощутил нехватку рабочих, так как местные туземцы не были заинтересованы в работе. 6 мая 1864 г. Стюарт получил, видимо в ответ на своей запрос, персональное разрешение французского комиссара по делам колоний законтрактовать на 3 года для Таити от 500 до 1000 туземцев с соседних островов.² Он привез новые группы мигрантов – с Тонгаревы и островов Кука (более 140 человек). Попытки Стюарта найти дополнительные рабочие руки на островах Океании не сразу и не всегда приводили к успеху. Рапа-

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Решетов А. М.</i> О Кюнеровских чтениях	3
<i>Атнашев В. Р.</i> Исторические песни и легенды тямов Вьетнама	5
<i>Атнашев В. Р., Нгуен Т. Х.</i> Начало распространения ислама в Тямпе	12
<i>Белков П. Л.</i> Понятие души: австралийские аналогии. I. Куруна	16
<i>Белков П. Л.</i> Понятие души: австралийские аналогии. II. Гурувари	20
<i>Белков П. Л.</i> Австралийский миф как объект знания	26
<i>Белков П. Л.</i> Операции с именами в обрядах жизненного цикла аборигенов Австралии	29
<i>Боголюбов А. Б.</i> Японский свиток с изображением бухты Хакодатэ в собрании Эрмитажа. К вопросу о русско-японских контактах во второй половине XIX в.	33
<i>Бутинов Н. А.</i> Идеографическая письменность в Океании	35
<i>Бутинов Н. А., Н. Н. Миклухо-Маклай</i> в мифах папуасов	40
<i>Григорьева Н. В.</i> Кадайские народы Вьетнама	43
<i>Гроховский П. Л.</i> Композиционные особенности «Самадхираджа-сутры»	46
<i>Добролюбов Н. А.</i> Дощечки для письма в Африке	50
<i>Иванов Д. В.</i> Атрибуция некоторых памятников тибетской коллекции МАЭ РАН	52
<i>Иванов Д. В.</i> Необычное изображение бодхисаттвы Манджушри	54
<i>Иванова Е. В.</i> Кван и виньян и их место в тайских ритуалах	55
<i>Иванова Е. В.</i> Споры вокруг первого памятника тайской эпиграфики стелы Рамкамхенга	62
<i>Кабанов А. М.</i> Материалы о шаманизме на островах Рюкю в архиве Н. А. Невского	67
<i>Кисляков В. Н.</i> Китайские коллекции МАЭ РАН, привезенные членами Российской Духовной миссии в 30-е–40-е годы XIX в.	69
<i>Кисляков В. Н.</i> Фотоколлекция академика В. М. Алексеева в МАЭ	73
<i>Климов В. Ю.</i> Письменная присяга в средневековой Японии	75
<i>Колотов В. Н.</i> Правящая партия при режиме Нго Динь Зьема	79
<i>Колотов В. Н.</i> Использование религиозного фактора для организации управляемого конфликта: Южный Вьетнам в середине XX в.	83
<i>Котин И. Ю.</i> Южноазиатская диаспора и парламентские выборы 1997 г. в Великобритании	88
<i>Котин И. Ю.</i> Обряды жизненного цикла у индусов Великобритании	93
<i>Ксенофонтова Р. А., Кисляков В. Н.</i> Аналогия как один из методов атрибуции музейных экспонатов (по материалам средневековой корейской керамики МАЭ РАН)	97
<i>Ксенофонтова Р. А., Кисляков В. Н.</i> Традиции и новации в декорировке керамики Корё (на материале коллекции МАЭ РАН № 227)	98
<i>Курбанов С. О.</i> Описание одной церемонии жертвоприношений духам <i>коса</i> в современной Южной Корее	104
<i>Кычанов Е. И.</i> Тибетский ученый о происхождении тибетцев	107
<i>Лхагвасурэн И.</i> Свадебный обряд алтайских урянхайцев	111

<i>Маретина С. А.</i> Годовой цикл и календарная обрядность у гаро (Индия) ...	116
<i>Маретина С. А.</i> Сватовство у гаро (Индия)	120
<i>Меньшикова М. Л.</i> Портрет китайского чиновника из императорского рода	122
<i>Меньшикова М. Л.</i> Рисунки китайских вещей из собрания Кунсткамеры Петра I	128
<i>Митин В. В.</i> Политический фактор в научном сотрудничестве СССР и МНР в 20-е–30-е годы XX в.	132
<i>Оглоблин А. К.</i> О поездке в Индонезию летом 1999 г.	142
<i>Ревуненкова Е. В.</i> Россия и Индонезия в жизни голландки М. К. Йонгелинг	149
<i>Ревуненкова Е. В., Решетов А. М., Иванова Е. В.</i> Вспоминая Чигринского	157
<i>Решетов А. М.</i> Памяти Б. Е. Чистовой	164
<i>Решетов А. М.</i> Штрихи к биографии Н. И. Кохановского	166
<i>Решетов А. М., Седловская А. Н.</i> Памяти Аркадия Ермаковича Пахутова ...	170
<i>Ржеуцкий В. С.</i> Этнический конфликт на почве коммерции (столкновение русскоязычного и иностранного купечества в Москве в 1784 г.)	172
<i>Салихов А. Г.</i> Вклад А. Валидова в этнографию (отечественный период)	175
<i>Свиридов А. А.</i> 53 станции дороги Токайдо	176
<i>Серебряков Е. А.</i> Реминисценции в классической поэзии Китая как проявление исторической памяти китайского этноса	180
<i>Серебряков Е. А.</i> Значение трактата Лю Се (465?–552?) «Резной дракон литературной мысли» («Вэньсинь Дяолун») для понимания особенностей комического в духовной традиции старого Китая	184
<i>Синицын А. Ю.</i> Коллекция традиционной японской живописи МАЭ РАН	189
<i>Синицын А. Ю.</i> О традиционной японской бумаге «васи»	191
<i>Синицын А. Ю.</i> О жанре укиё-э (традиционная японская гравюра)	193
<i>Сташюкович М. В.</i> Филиппинистика в Европе	197
<i>Стабурова Е. Ю.</i> Китаеведение в «Мосей автобиографии» П. П. Шмидта	201
<i>Суханов И. П.</i> Памятный колчан со стрелами адмирала Е. В. Путятина	207
<i>Филиппов А. В.</i> Заимствования как традиция – опора самобытности культуры Японии: группа и ее глава, групповое поведение и устойчивость патернализма	211
<i>Филиппов А. В.</i> Реформа и традиция в Японии: противоречие-антагонизм или взаимосвязанное единение в рамках социума?	216
<i>Федорова И. К.</i> Положение иммигрантов на Таити во второй половине XIX в.	220
<i>Федорова И. К.</i> Пиратское нападение на о. Пасхи (Рапа-Нуи) в 1862 г.	224
<i>Чан Тхань Бинь.</i> Изучение Л. Н. Толстого во Вьетнаме	229

КЮНЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
1998–1999 гг.

Краткое содержание докладов

Утверждено к печати
Ученым советом
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской Академии наук

Редактор, корректор, технический редактор
И. П. Палкина

Компьютерная верстка
Л. А. Каратаиновой

Подписано к печати 12. 11. 2001 г. Формат 60 × 84 1/2_н.
15 печ. л. Тираж 200 экз. Заказ № 39.
Лицензия ЛР № 020889 от 25 мая 1994 г.
<http://www.kunstkamera.lanck.ru>

АОЗГ «Колibri» 194156. С-Петербург, пр. Энгельса, 27